

Приложения к части 1 (главы 1-6)

П. 1-6.1. Памяти друга (Воспоминание о Гурии Забелкине)

От автора — сегодня

Осенью 1998 г. скончался один из стариннейших моих друзей — Гурий Иванович Забелкин

Мы познакомились в 1958 г., еще в бытность мою журналистом газеты «Смена». А Гурий Забелкин тогда работал на Волховском алюминиевом заводе, в электролизном цехе, и собирался поступать на философский факультет университета. После одной из журналистских командировок в молодежной газете был напечатан мой очерк о Гурии (под названием «Странный парень»; Смена, 17.01.59). Гурий его не то чтобы одобрил, но «стерпел». Мы подружились.

Потом Гурий Забелкин стал студентом философского факультета Ленинградского университета. Я же ушел из газеты и работал на Ленинградском заводе по обработке цветных металлов, вальцовщиком. Мы постоянно общались. Закачивал философский факультет ЛГУ Гурий уже заочно, вернувшись, по семейным обстоятельствам, в Волхов. Работал электролизником, в «родном» цехе. А в 1963 г. поступил на Волховский алюминиевый и я, и освоил ту же профессию.¹

Гурий познакомил меня со своими любимыми учителями — Еленой Васильевной Вонсик и Ириной Владимировной Баландиной.

Елена Васильевна была уже в весьма преклонном возрасте (она скончалась в 1975 г.), а Ирина Владимировна преподавала литературу в вечерней школе. Среди инженеров и рабочих Волховского алюминиевого было много их учеников, но Гурий был их любимцем.

Именно они, эти две учительницы, как рассказывал Гурий, разбудили в нем серьезные гуманитарные интересы, так что рабочий-литейщик стал позднее преподавателем философии.

Мы тесно подружились, часто встречались вчетвером... Это общение (обычно на квартире Е. В.) было настоящим пиром ума и праздником души. Приобщение к возвышенному... Помню, некоторые из встреч превращались в импровизированные литературные вечера: Ирина Владимировна замечательно декламировала стихи. Елена Васильевна относилась к Гурию и ко мне как к сыновьям.

А когда я уехал из Волхова (в 1964 г.), связь поддерживалась ставшими уже более редкими встречами, а в основном — перепиской, к сожалению, не очень регулярной (по моей вине).

В частности, в письмах И. В. рассказы о житейских буднях и деликатное руководство кругом чтения адресата перемежалось стихами, которые, при встрече, «забыла Вам с Гурием почитать».

Вот два стихотворения:

Инакомыслящий

Сомневаешься ты? Сомневайся.
В отрицании жизни залог.
Перейди через эту черту —
И опять все начнется по кругу,
Отрицал Прометей, на скале изнывающий бог,
И Христос отрицал, осужден и поруган...
Сколько их, правоверных, было, есть и грядет впереди...
Подбородок задрал, на трибунах кумиры маячат,
Инквизиторы ходят в подвал — не дыши, на колени пади —
Как ты смел усомниться, подумать иначе?
Нет, не сдался еще Галилей,
И соборы шумят о Толстом,
Кампанелла в застенке о городе-Солнце мечтает.
И Морозова люд слободской осеняет двуперстным крестом,
И, не в силах Эйнштейна понять,
Знатоки пожимают плечами.
Если все, что бесспорно, уязвимее больше всего,
И дорога открытий — дорога потерь,
Спотыкайся и падай. И будь счастлив уже оттого,
Что дано нам великое право — не верить и верить.

Поэту

Зачем ты умирал, становясь
На горло собственной песне?
Зачем, поэт?
Не знал ты разве, что только песня
Оставит след?
Уходят призывы и словопрения
Дождем косым.
Словес твоих груды сгребает время —
И на весы.
И там, где подспудно бьется страдание
Где нежность лишь —
Векам, истории и мирозданью
Ты говоришь.
...Но сам, доверчивый, оголенный.
В конце концов
Ты вздрогнул и вышел из колонны,
Закрыв лицо.
Не потому ли, что стало тесно
На мостовой?
А ты наступил на горло песне
Своей, живой?..

Оба стихотворения — из письма И. В. от января 1969 г.²

² Перепечатаывая здесь эти стихи, я был уверен, что они написаны самой Ириной Владимировной (она писала стихи и иногда читала нам в Волхове и их также). Обычно она сообщала имя автора, а тут — ссылки не было. Но, как выяснилось уже сегодня (И. В. теперь живет в Петербурге, в семье сына), «Инакомыслящий» и «Поэту» — все же не ею сочинены. Кем же? Ее коллегой, учителем из Выборга. Сейчас И. В. помнит только фамилию: **Суреш**. В последний раз они виделись лет 20 назад.

Но — пусть написаны не ею... Они для меня остаются также и **ее** — **моими, нашими** с нею, Еленой Васильевной и Гурием — стихами того времени. Мой поклон — автору этих стихов.

¹ См. в приложениях к главе 5: «Двадцатью годами ранее: как меня учили».

Но вернусь к рассказу о Гурии Забелкине.

Окончив Университет, Гурий получил место преподавателя философии в Пушкинском сельскохозяйственном институте. Во второй половине 60-х на каком-то межпреподавательском семинаре Гурий проявил «политическую незрелость», высказавшись в том смысле, что с «приближением к коммунизму» роль партии должна «скорее уменьшаться, чем возрастать». Было персональное дело, где Забелкину дали понять, что его, молодого специалиста и молодого коммуниста, «простят», если он признает свои ошибки. Гурий сделал это отказавшись. Его исключили из партии (о чем он никогда не жалел).

Будучи, разумеется, изгнан с кафедры марксизма-ленинизма, Гурий стал работать шофером, на крупнотоннажных грузовиках с прицепом. Позднее заведовал гаражом на заводе в Пушкине. Пользовался большим авторитетом в своем коллективе.

Мы общались с Гурием все последующие годы, к сожалению, реже, чем хотелось бы.

Имея более чем десятилетний стаж работы на горячем и вредном производстве (электролизный цех Волховского алюминиевого), Г. Забелкин вышел на пенсию в 50 лет. Разумеется, продолжал работать, пока не обнаружился рак легких.

В вышеприведенном очерке 1963 г. «Как меня учили»³ (написанном искренне, но не без автоцензуры) не сказано о «висельном» юморе товарищей автора по электролизному цеху: «На пенсию — в 50, на кладбище — в 55». Гурий дожил до 65.

В моем архиве не сохранилось текстов Гурия Забелкина, кроме, пожалуй, одного: ответов на анкету «Ожидаете ли вы перемен?» (экспертный лист 44, без псевдонима, от февраля 1981 г., судя по многим признакам, принадлежит именно ему). В ту пору Гурий работал шофером.

Приведу отрывок из этого экспертного листа:

« <...> Противоречия данного общества усугубляются. <...> Состояние перманентно взвешенное, но сила инерции еще велика, и потому считаю это состояние скорее устойчивым. <...>

Кризис налицо. Обнаружился для меня в середине 50-х гг., в последние 10–15 лет выяснил для себя, что причины его не субъективны, лежат в природе данного общества.

<...> Если исходить из тенденций внутреннего развития, существенных перемен ждать не следует. Но вообще перемены возможны. В виде сползания к худшему. <...> Сползание — медленное. <...> Сползание началось.

<...> Близкая к пределу несвязанность между собой всех главных сфер жизни.

Политика. Отрыв ее от экономики, опасная самостоятельность. непреодолимый разрыв между государством и народом. Противоположность интересам народа, с одной стороны, и личности, с другой.

Труд. Полная незаинтересованность подавляющего большинства как в результатах, так и тем более в процессе труда.

Экономика — ее заведомая неэффективность и при этом — неуправляемость.

³ См. ранее, приложения к главе 5: раздел «Двадцатью годами ранее: как меня учили».

Частная жизнь, ее противоречия: реальное стремление к частной жизни как альтернативе жизни общественной, не вызывающей интереса: при этом постоянное обеднение этой частной жизни, ее формализация: распадение семейных и других частных связей, катастрофическое в условиях, при которых этим связям нет компенсации в иных сферах жизни.

<...> Предыстории от истории оторвать не могу. «История» — продолжение «предыстории». Среди обстоятельств оной:

а) не первое, но важное — пресловутая «негосударственность» народной психологии, азиатско-генетическая, но и поддержанная и укрепленная историей;

б) в период создания государства — уже и на том уровне — сверхбольшие масштабы территории и населения, разность региональных и этнических «составляющих», наличие только политических мотивов объединения — все это при заведомой невозможности создать адекватные связи коммуникации. Словом, неестественность государства;

в) в решающий момент — в XVI веке — неправильный выбор социально-экономической и политической модели; предпочтение военно-феодальной диктатуры реально возможному тогда поддержанию наличных «буржуазных» элементов...⁴;

г) закрепление разрыва между народом и государством в период петровских реформ;

д) закрепление за национализмом господствовавшей нации антигосударственной направленности;

ж) естественная государственность мышления всех значительных революционных движений;

з) историческое опоздание попыток новейшего времени создать «Общество» и, стало быть, заведомая искусственность этого общества.

<...> Сейчас нет показаний, свидетельствующих о том, что весь мир приобретает черты данного общества. Скорее наоборот. Развитие же данного общества эклектично: реально родственное восточному образцу, оно по мере возможности будет использовать западные «формы». Это и есть своего рода самостоятельность пути.

<. > Не могу ответить [на вопрос об очередности перемен. — А. А.], не умею. Абстрактная логика должна быть такова: экономические трудности — идеологический натиск — политические решения.

Наиболее вероятно:

— осознание невозможности изменить социально-экономическую систему; одновременно, нарастающие трудности в лагере союзников; одновременно, нарастающее отчуждение в третьем мире; неприемлемость западных условий союза с Западом: союз Западу с Востоком; движение к восточной модели без опоры на реальный Восток. <...> Февраль 1981.»

⁴ Ср. постановку вопроса о победе «регрессивной» тенденции развития в российской истории в XVI веке у А. А. Любищева: *Любищев А. А.* Если бы противостояние с Москвой завершилось в пользу Новгорода... // *Звезда*, 1999, № 10.

В этой своей работе Любищев выражает убеждение в том, что «разгром Новгорода (Москвой, в XV веке) — «несчастье не только для Новгорода, но и для всего русского народа и даже отчасти для всего человечества». Он показывает, что возникшее в период «собрания Руси» верховенство московской «программы и идеологии» было победой регрессивной тенденции над исторически прогрессивной, что существенно определило весь дальнейший ход российской истории.

Этой же теме посвящена любищевская «Апология Марфы Борещкой», опубликованная в сборнике: *Любищев А. А.* Мысли о многом. Ульяновск, 1997.

Этот прогноз, как и многие другие, был пессимистическим. Хочется отметить, однако, иногда напрямую, а иногда неявно (как здесь) выраженную позицию: взгляд в будущее не обнадеживает, однако остается, в этих условиях, «мужество жить достойно»...

Включив в настоящую книгу рассказ о своем раннем «хождении в рабочие» (а без Гурия, может, и не пошел бы!), я посвящаю сегодня свой давний очерк — «Как меня учили» (см. выше) — Светлой памяти Гурия Ивановича Забелкина. (Сентябрь 1999 — февраль 2000).

П. 1-6.2. Памяти друга (Тексты Сергея Розета)

Несколько вступительных слов

Как уже отмечалось, почти одновременно с автором этих строк расстался с социологической лабораторией и стал рабочим Сергей Михайлович Розет (1940—1994).

Сергей Розет окончил физический факультет Ленинградского университета, работал физиком-исследователем (60-е гг.). Потом — аспирант кафедры логики философского факультета ЛГУ. Потом — социолог, занимался производственной социологией и социологией территориальных общностей, методологией социальных исследований, старший научный сотрудник Ленинградского финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского (70-е гг.).

Потом — на протяжении десяти лет — рабочий (слесарь завода «Красногвардеец»; оператор котельной), точнее — социолог-рабочий.

Последние годы жизни С. М. Розет трудился в СПб филиале Института социологии РАН и занимался исследованием изменений на производстве в условиях приватизации и акционирования промышленных предприятий.

Ниже — извлечения из творческого наследия Сергея Розета: один из его последних научных текстов (начало 90-х гг.) и стихи, которые при его жизни света не увидели.

Настоящая подборка текстов С. Розета подготовлена его другом Юрием Анатольевичем Щеголевым, при моем участии. (Апрель-декабрь 1999).

П. 1-6.2.1. «В данной работе мне хотелось бы способствовать становлению субъект-субъектного познания...»

[Перечитывая сейчас нижеследующий текст (с которым знакомился 8 лет назад, но в котором не усмотрел тогда того, что вижу теперь), поражаюсь прозорливости и точности постановки Сергеем Розетом вопроса о субъект-субъектном познании в социологии, как требовании времени.

Конечно, интуитивно, многие (и я сам в том числе) тогда практически уже работали в этой парадигме. Но Сергей Розет сформулировал ключевое эпистемологическое положение этой книги раньше, чем это удалось сделать мне.

И сделано это им — независимо от тех авторов, на которых я теперь могу опереться. — А. А.]

Из заявки на стипендию фонда «Культурная инициатива» (Фонд Сороса) на тему «К теории конфликта в социологии». Обоснование выбора темы (1992)

1. Гражданское обоснование

С крахом тоталитаризма (это одна из возможных объяснительных моделей прошлого нашей страны) рухнул и основной вертикальный конфликт подавления номенклатурой всех слоев населения и отчуждения в ее пользу всей ценностно-смысловой, планово-проектной сферы общества. Политическая и экономическая свободы создают предпосылки для процесса субъективации, становления независимых экономических, политических, правовых, духовных, экзистенциальных и иных субъектов. Население постепенно становится перед субъектно-объектным выбором — либо принять ответственность за цели, смыслы, обеспечение и сам факт собственной жизни на себя, либо оставаться объектом манипуляции государственных и иных структур.

Субъект в значительной степени — этот тот, кто «за» и «против». Процесс субъективации с необходимостью предполагает конфликты, борьбу за место, ресурсы и возможности в принципиально конечном экономическом, политическом и ином пространстве. **Новая реальность, которая нас ожидает, это множество субъект-субъектных горизонтальных конфликтов, разрешение которых не упорядочено ни традицией, ни законом, ни юридической или посреднической практикой.** [Здесь и далее выделено мною. — А. А.] Исследование, типология и поиск способов воздействия на преимущественно горизонтальные конфликты могут быть полезны в этой новой реальности.

Более того, существует **императив противостояния генерализации конфликтов** (в возможной гражданской войне) — **императив гражданского мира.**

2. Гносеологическое и этическое обоснование

Социальное познание в мире подавления и отчуждения субъектности было **субъект-объектным**. «Исследователь» как потенциальный советник истеблишмента (на Западе) или номенклатуры (у нас), отчуждал субъектность от «Исследуемого» и от совокупности «Исследуемых», превращая и его, и совокупность в социальный объект, объект исследования, управления, планирования и проектирования.

Опредмечивание «Исследуемого» связано с опредмечиванием «Исследователя», с выведением его за счет присвоенной чужой субъектности из нормальной человеческой позиции в сверхчеловеческую (в сущности, объектную), как носителя и обладателя «Объективной истины» и «Научного метода», с установлением вертикальных отношений между этими двумя людьми. Но если для «Исследуемого» подвергнуться исследованию — это неприятный эпизод, приносящий незначительный ущерб, то для «Исследователя», профессионально вовлеченного в эту гносеоло-

гическую ситуацию и вынужденного идентифицировать себя с «Методом», «Истиной», сверхчеловеческой позицией, **ущерб от объективации может быть значительным**, вплоть до обеднения или атрофии личностного, ценностного, эмотивного начала.

В данной работе мне хотелось бы содействовать становлению субъект-субъектного познания. **Субъект-субъектное познание может быть только равноправным диалогом «Исследуемого» и «Исследователя» по поводу темы исследования, без монополии на «объективную истину» у сторон.** Ущерб, наносимый процессом исследования субъектности «Исследуемого» должен быть минимальным, должна сохраняться индивидуализация, включая имя. Соответственно, межсубъектные отношения «Исследуемых» между собой, проявляющиеся в интеракциях, от устойчивых конфликтов на подавления до взаимоподдержки вплоть до любви, должны составлять важнейшее содержание диалогов.

Субъект-субъектное познание, вовлекающее, а не отчуждающее «Я» «Исследователя», может резко уменьшить ущерб личности социолога. Более того, **обе стороны диалога могут быть обогащены исследованием как развивающим фрагментом жизненной практики.**

3. Методическое обоснование

Содержательные концепции социологии неотъемлемы от ее инструментальных средств. Ситуация опроса представляет собой упаковку собеседника в сеть логических ячеек (за исключением открытых вопросов и мягких методов) по жесткой схеме с ограниченным временем, с инициативой «Исследователя» и принуждением к опросу «Исследуемого». В обычной технике обработки данных «Исследуемый» лишается имени, становится взаимозаменяемым представителем группы, индивиды становятся независимыми друг от друга, атомизированными. Дальнейшее применение операций из естественно-научного арсенала (матобработка) завершает опредмечивание изначально равноправных с «Исследователем» «Исследуемых». В результате такого способа обращения совокупность «Исследуемых» отвечает «Исследователю» такой же любезностью — коэффициенты связи малы, результаты недостоверны за исключением тривиальных, сложность связей превосходит возможности анализа.

[Ведь ни П. Сорокина, ни Ч. Р. Миллса, ни А. Турена Сергей Розет, даже в начале 90-х, не читал! Правда, может быть, кое-что знал о «феноменологической школе» в социологии. Думаю, также читал — «Пределы» В. Н. Шубкина. Был знаком с работами Г. П. Щедровицкого и его школы. — А. А.]

В рамках субъект-субъектной методологии опросный лист представляет собой **аспект сюжета жизненного пути респондента**. Сам сюжет представляет собой индивидуальные способы разрешения конфликтов и построения отношений сотрудничества. Сюжет неразрывно связан с именем респондента, но в некоторых отношениях может быть типологизирован по сюжетному сходству или вовлеченности в межиндивидуальный или наинди-

видный (групповой) сюжет. **Респондент превращается в собеседника «Исследователя», по возможности заинтересованного в теме исследования, и становится автором версии конфликта или отношения и соавтором исследования.** Полем работы «Исследователя» становится множество версий конфликтов или отношений и данные других «Исследователей». Эта работа отчасти аналогична деятельности гуманитариев-практиков: следователя, врача, литературоведа (структурализм), писателя, историка.

Возможен конфликтологический подход и в обычной статистической технике, основанный на неизбежных ролевых отношениях «конфликт — поддержка» различных значений шкал.

Несмотря на критический пафос приведенных обоснований, предполагаемый конфликтологический подход лишь очерчивает область субъект-субъектного познания, **оставляя субъект-объектному познанию адекватную ему реальность.** Расширение и развитие этого обоснования, его связь с теориями символического интеракционизма и конфликтологией составило бы 1-ю часть работы.

Во 2-й части работы речь может идти о моделях субъекта, взятого пока изолированно, вне конфликта или диалога. Гуманитарные науки содержат в себе множество моделей субъекта, начиная от различных представлений о человеке и кончая анализом больших субъектных образований — государств, народов, этносов, классов, социальных институтов, партий и т. д. В данной работе модель субъекта будет строиться на примере общественных движений и политических партий сегодняшней России с учетом теорий общественных движений. Дополнительные аргументы для модели будут привлекаться из других субъектных областей.

В 3-й части работы было бы уместно рассмотреть процесс взаимодействия субъектов между собой. При этом хотелось бы выделить 2 плана анализа: 1) конфликтующие субъекты имеют тождественную структуру; 2) конфликтующие субъекты имеют явно различающуюся структуру. Здесь же имело бы смысл рассмотреть различные типы конфликтов: конфликты на уничтожение противника; конфликты симбиотические — где стороны заинтересованы в существовании друг друга; экологическую ситуацию взаимоподдержки всеми сторонами конфликта; а также теоретико-игровые соображения. Здесь же следует затронуть тему об ущербе от конфликта, который наносится обеим сторонам.

4-ю часть работы можно назвать «Творческий шаг». В этой части хотелось бы **выявить те позитивные, созидательные начала, которые, первоначально коренясь в самой природе конфликта, затем, в случае с противниками разной субъектной структуры, проявляются в реакциях сторон, не повторяющих друг друга, но неожиданных друг для друга, требующих каждый раз творческого шага.** Повышение творческой силы сторон в случае перехода взаимодействия из конфликтной фазы через компромисс, сделку, соглашение, переговорный процесс в фазу сотрудничества вплоть до совместной выработки решения методом консенсуса.

В заключительной, 5-й части работы анализ будет усложнен **введением в ситуацию конфликта 3-й стороны, сначала как среды, в которой развивается сюжет (в частности, закон, общественное мнение), а затем — во все более вовлеченных в конфликт формах: посредники (медиаторы) и посреднические структуры, миротворческие силы.** Введение 3-й стороны решительным образом изменяет ситуацию (подобно задаче 2-х и 3-х тел в механике), придавая ей **экологический аспект**, аспект уменьшения ущерба, сохранения и творческого развития. Однако, в отличие от природных экосистем, субъектные могут (и, возможно, должны) обладать сознательной тактикой и стратегией поведения.

Возможно, в этой части работы удастся сформулировать некоторые соображения по тактике и стратегии 3-й стороны, препятствующие сильноному ущербу и **мобилизующие творческие и миротворческие начала.**

Работа будет опираться как на достижения теории демократии, конфликтологии, социологии, общественных движений, теории и практики ненасилия, теорию демократического диалога Б. Густавсена, другие источники, так и на собственные разработки автора. Работа будет носить теоретический характер, но автор по мере сил использует и практические возможности участия в качестве 3-й стороны в производственных или иных конфликтах.

Работа будет носить поисковый характер и в случае успеха могла бы иметь определенное научное и общественное значение.

С. М. Розет, 1992

П. 1-6.2.2. «Связи между терминами словаря могут быть построены по циклической схеме...»

[А вот другой текст. Его авторы: С. Розет и Ю. Щеголев. Это — тезисы доклада, сделанного ими 10.05.71 (т. е. почти 30 лет назад), на методологическом семинаре межведомственной лаборатории ЛФЭИ им. Н. А. Вознесенского и Института социологических исследований АН СССР.

На докладе присутствовали О. И. Шкаратан, В. А. Ядов, Н. И. Лапин, В. Н. Колбановский, Л. С. Бляхман, И. Н. Таганов и др.

Основные идеи доклада получили поддержку на семинаре. Некоторые из них реализовались в исследованиях, проводившихся в начале 70-х исследовательским коллективом под руководством О. И. Шкаратана, в частности, в объединении «Татнефть» (г. Альметьевск). — А. А.]

Из тезисов доклада «О методологии социального планирования крупного промышленного предприятия» (май 1971)

Основная цель доклада состоит в выборе минимального числа терминов для описания социальных групп предприятия в статике и развитии; в выяснении связей между этими терминами; в постановке задачи планирования в этих терминах как серии задач прогнозирования.

Словарь терминов

1. **Группы (Г)** социальные — совокупности индивидов с близкими запросами (З) и весами (В) ценностей (Ц).

2. **Г-показатели** — совокупность объективных характеристик, определяющих социальную группу.

3. **Ценности (Ц)** — предмет обобщенного потребления (П).

4. **Запросы (З)** — желаемые потребления (П). Распределяются по ценностям (З/Ц).

5. **Веса (В)** — (1) значимости ценностей для группы (В/ц); (2) значимости деятельности (Д) для группы (В/д).

6. **Деятельности (Д)** — не определяются.

7. **Интенсивность деятельности (И/д)** — скорость достижения цели деятельности.

8. **Активность (А)** — на уровне поведения: интенсивность деятельности (И/д); на уровне сознания: веса по деятельности (В/д).

9. **Удовлетворенность частная по ценностям (У/ц)** — субъективное ощущение степени достижения запроса (З).

10. **Удовлетворенность частная по деятельности (У/д)** — удовлетворенность совокупностью ценностей, сцепленных с данной деятельностью (Д).

11. **Удовлетворенность интегральная (У)** — отношение к некоторой целостной совокупности ценностей или деятельности.

12. **Ресурсы (Р)** — совокупность материальных и нематериальных ценностей, обеспечивающих деятельности и потребление.

13. **Норма (Н)** — допустимое изменение любой описательной переменной.

14. **Степени свободы (С)** — совокупность норм.

15. **Ресурсы внутренние (Р/вну)** — ресурсы, в перераспределении которых свободна организация того или иного уровня.

16. **Ресурсы внешние (Р/вне)** — ресурсы данной организации, в распределении которых свободны другие организации.

17. **Дерево** (формальный термин) — простой граф, упорядочивающий классификацию любого из вышеназванных терминов по другому термину с помощью формальных допущений полноты и независимости.

Исследования для социального планирования

Социальное планирование рассматривается как задача распределения внутренних ресурсов. Цель распределения выбирается лишь после определения множества возможных состояний групп на основе прогнозов.

Установление связей между терминами словаря является задачей отдельных исследований. Пары, тройки, четверки и т. д. терминов могут определять программы отдельных исследований, методики составления анкет и методику обработки на ЭВМ. Часть связей между терминами по-

стулируется с помощью анализа значений, часть — высказывается как гипотезы, подлежащие проверке. Предполагается, что связи между терминами словаря могут быть построены по циклической схеме. В простейшем случае, когда веса ценностей (В/ц) и величины запросов (З/ц) постоянны, этот цикл является следующим:

...→ΔP(1)→ΔП(1)→З/ц→ΔУ/ц(1)→В/ц→ΔУ(1)→В/д→ΔИ/д(1)→ΔP(2)→...

при условии: В = Const; З = Const. Знаком Δ здесь обозначено изменение.

Изменение в величине и структуре ресурсов, направленных в данную социальную группу, определяет изменение ее потребления. Изменение в потреблении вызывает, в зависимости от величины запросов, изменения в частных удовлетворенностях. Изменение в частных удовлетворенностях приводит, пропорционально их весам, к изменению интегральной удовлетворенности. Изменение в удовлетворенности интегральной и частной изменяет интенсивности деятельностей (пропорционально весам этих деятельностей).

Изменение интенсивности деятельностей группы определяет изменение в объеме результатов ее деятельности, которое согласовано, тем или иным механизмом, с изменением ресурсов, поступающих в эту группу, что ведет к изменению потребления и т. д.

Указанный цикл является динамическим шагом, описывающим простое развитие группы во времени. Более сложный шаг можно получить, введя изменение весов и запросов со временем. <...>

Прогнозы

Прогноз развития групп осуществляется в два этапа.

На первом этапе предполагается, что распределение внутренних ресурсов предприятия постоянно, а их объемы меняются с постоянной скоростью. Исходя из планируемого воздействия (изменение технологии, расширение объема производства, изменение экономических показателей) со стороны ведомственных организаций и прогнозируемого воздействия со стороны экологической среды (старение коллектива, возникновение сильного миграционного потока, падение рождаемости) прогнозируются: изменение социальной структуры предприятия (Г-структуры); изменение уровня потребления (П); изменение весов запросов (В) и величины самих запросов (З).

По новым исходным данным по модели «П — В — У — И — Р» рассчитываются:

- 1) новые значения интегральных и частных удовлетворенностей;
- 2) вероятные интервалы интенсивности деятельностей;
- 3) вероятный объем ресурсов, получаемых в результате этих деятельностей.

Этот прогноз проверяется путем прямой экстраполяции временных рядов по характеристикам (1) — (3). Этот набор характеристик представ-

ляет состояние предприятия, в которое оно перейдет в планируемый период в результате внешнего воздействия (планируемого и не планируемого).

Формальным элементом прогноза является унифицированная программа статистической экстраполяции на ЭВМ.

На втором этапе прогнозирования развития групп предприятие рассматривается как система, обладающая собственными ресурсами. С помощью этих ресурсов предприятие может изменять потребление и социальную структуру. Для определения будущих возможных состояний предприятия делается серия условных прогнозов. Одна серия условных прогнозов делается при вариации распределения ресурсов при постоянном их объеме. Другая — при постоянной скорости изменения объемов ресурсов, третья — при постоянном ускорении изменения объемов.

Эти условные прогнозы накладываются на внешний прогноз, полученный на первом этапе, и образуют, таким образом, множество возможных состояний социальных групп предприятия в конце планируемого периода. На этом множестве и ставится задача выбора «идеала» — цели плана социального развития. Акты выбора будущего состояния определяются внешними организациями, самим предприятием.

Параллельно проводится независимый аналоговый прогноз, отображающий множество описаний реально существующих социальных групп (в т. ч. и вне предприятия) в множество описаний групп в любой момент прогнозируемого периода.

С. Розет, Ю. Щеголев (1971)

[Как мне кажется, здесь последовательно и очень ярко выражена парадигма «субъект-объектного познания» в социологии, от которой С. Р. «отталкивался» и которую «преододел» в текстах 80–90-х гг. — А. А.]

П. 1-6.2.3. Стихи Сергея Розета ⁵

[...Я было написал: «Стихи оказывались как бы параллельным с профессионально-социологической работой Сергея Розета каналом творческой самореализации». Юрий Щеголев заметил: «А может как раз в стихах самореализация нашего друга интегрировалась?»

Думаю, Юра прав: стихи для Сергея были такой самореализацией, где есть место социологическому, экзистенциальному, психологическому воображению и точному наблюдению.

В этих стихах (особенно, в поэме «Лес»), в «точке пересечения биографии и истории» (Ч. Р. Миллс), автор «прорастает» как «слепая прихоть жестокого и сильного самума». Он становится «языком, колеблемым без сна сдуревшим ветром», «прослушивает и проживает монолог современника» — «человека с глазами на лице, идущего среди полей асфальта и бетона». — А. А.]

⁵ Настоящая подборка стихов была впервые опубликована в книге: Алексеев А. Н. Год Оруэлла (из опыта драматической социологии). СПб.: Ступени, 2001.

Стихи разных лет

Как прекрасно лицо твое,
 Как чисты и в страдании глаза,
 Этот мужественный нос,
 Этот рот молчаливо сжат,
 И огромен твой лоб,
 И терновый венец надо лбом.
 Кто ты?
 Зачем ты возник из вспученного полиэтилена?
 Так Афродита явилась из пены
 И море умолкло. И скульптор ударил резцом,
 Формуя обломок опавшего грота.
 И века преклонили колена.
 Но кто ты?
 Провиденье,
 Цезарь,
 Судьба?
 Оформленная поверхностью острота
 Пустая?
 Но знаю:
 Придешь. Мы схлестнемся.
 Сладка будет кровь.
 Кем станем? Не знаю.
 Друзьями?
 Врагами?
 Но есть в тебе что-то
 От бога, от черта.

* * *

И тело состоит из тупиков
 Безумного порыва к росту
 Сказал мудрец малюсенького роста
 С огромной бородой и кроткими глазами
 И тело жизни всей
 Да, дело жизни целой
 Составлено из тупиков
 Как куст проблем неразрешимых
 Взгляни на человека — он таков
 И он закрыл глаза.
 А юная жена его танцует
 Руками пыль стирает, взгляд косит
 А тельце слабое прозрачно и летает.

* * *

Хищны почки,
 Гроздью когти
 Впились в воздух
 Острый злобно
 И поблескивают тускло.
 Ветки — уроды
 Скрючились вздутьями,

Узлы изъязвлены,
 толсты, грязны
 Суши.
 Весна осмолена.
 Осмысленно жестока,
 Набухшая, разгульная весна.
 Все взвязло в токах
 Предшествующего торжества.
 А где-то в полутьме
 Она,
 Привстав высоко,
 Вся тонкая,
 Как стонкая струна
 Сорвется больно:
 «Ой, красивый ты какой!»
 Лицо его и нежно и жестоко
 Минута их освещена
 Весной.
 Прекрасная весна.

* * *

Река мелеет. Пыль времен
 В могилах умиротворяет страсти.
 Отходит все. Но тайной властью
 Пред всеми духа красоты
 Ямбически откроются черты
 В межзвездном говоре племен.

* * *

Варилось слово, говорилось,
 то выползало в форме шара,
 то отлетало невесомо,
 то ускользнув, блеснув металлом
 С недвижимых жестких губ.
 Но глухо, пусто. Истерзалось
 и запеклось,
 и приварилось
 к губам, надутым слизью слов,
 и выговариваться перестало.
 Еще в гортани слова болтались
 тяжелой дробью, но, не нарушив
 русла молчания, катились в горло.
 И долго в горле они топорщились,
 торчали костью, сгубив дыхание,
 пока в отчаянии самоубийцами
 они не бросились в пропасть легких
 и на асфальтах души измученной
 они взрывались и тихо плакали,
 грозя кому-то.

[Без дат. — Ю. Щ., А. А.]

Из «Поэмы без названия»

Поэма

Среди полей асфальта и бетона
 Шел человек с глазами на лице
 И бормотал чужое иль свое.
 Его я монолог прослушал, прожил.
 Мнение мое простое:
 Видно, ПНД он вероятный посетитель,
 Читатель книг, детей родитель,
 Работает в какой-нибудь конторе,
 Сейчас он на больничном — грипп иль ОРЗ,
 Слегка нетрезв (мне это неприятно),
 Имеет неполадки в личной жизни.

* * *

Измучен я, измучен.
 Как бы болезнь, болезнь так мучит,
 но я здоров и пью вино друзей.
 Так что же от мучений глаза ввалились?
 Вино моей болезни обернулось.
 Измучен я.
 В мучении моем нет смысла.
 Просто ступор.
 Глаза уставлены в пространство день и ночь.
 И ничего.
 И отроки в зеленом справляют дьявольскую тризну
 по телу моему.
 В любви, в ее ветвях, и в облаке небесном,
 да, в облаке небесном, там
 укрыта душа моя.
 И плачу я, да, плачу я над вами,
 бессмыслица текущих дней.
 Вино здесь плачет в теле мироздания.

* * *

Пусть слаб я, одарен,
 У человека привязанность, симпатия дана,
 Но страсть любви слиянья так жестока.
 Не утоляется она ни полудружкой, ни полуверой.
 Вино, оно одно вселяет смысл и веру,
 Еще рука любимой. Иль взгляд другой?
 И все это одно — вино.
 На кладбище давным-давно
 Есть место среди мест — в ногах у мамы.
 Вино и мама — вот и все,
 Что есть надежного и любящего в мире. <...>

* * *

И темный день над городом встает,
 И тучи поутру нависли над простором,
 Над домом дня.

В костюмчике дешевом
 Я выхожу, чтобы успеть в автобус
 На фабрику, что по названью «Глобус».
 «И не было меня» — строка из чьей-то песни
 В автобус и метро,
 И время шевелись. И восемь десять.
 И восемь десять.
 Строение будильников занято,
 Для любодела некий перебор.
 Куда течет река — вперед, обратно.
 Куда бежит народ — какой-то спорт.
 Зенит — Динамо. Я сижу на месте.
 Кругом враги. Без облака, без зла.
 И чьи-то песни.
 И не кончается вино. Хвала,
 Хвала тем стеклодувам, что порции 0,7 изобрели.
 Хвала философам стеклянных ухищрений.
 Река течет, река течет.
 Звоночек телефонный, как телемост.
 Телеобъятье сна.
 Вы знаете — весна
 восемьдесят пятого года.

Примечание Ю. Щеголева

При первом чтении этот отрывок может показаться распадающимся соединением далеких друг от друга простых образов и описаний. Однако это не так: эти образы и описания составлены как последовательность неожиданных переходов от движения и жизни к отсутствию и движения и жизни.

«Движение и жизнь» начинаются с выхода на работу, вливаются во всеобщее механическое движение к фабрике «Глобус», уподобляются ходу будильника и текущей вперед и обратно реке и, наконец, достигают возможности телефонной встречи. Отсутствие движения и жизни начинается с обнаружения отсутствия себя, проходит через отчужденность от всех: «Кругом враги. Без облака, без зла», и заканчивается всеобщим телесном.

Через неожиданные переходы от одной из этих противоположностей к другой приводятся в движение наши чувства и создается целостная картина всеобщей механистичности, отчужденности и сна, датированная как весна 1985 года».

Ю. Щ., 24. 02. 99.

* * *

И помни, помни брат, сестра,
 Возлюбленная дева,
 Глядящая и подлинно и смело
 пред наши очи.
 Помните, ребята,
 Есть дом любви. Он перекресток дорог,
 Детей потерянных, сирот.
 Которым мы обязаны любовью.
 Тем чистым пламенем,
 Тем светом милости Господней,
 Что просто так даруется любому
 До смерти, до самой смерти.

И в ней самой такие механизмы
 Участья и добра, что смелость
 Нас выметает к старости из дома.
 Свой обретая дом.
 Да будет в нем
 Довольно светлой мысли
 И братьев и сестер.
 Лишь с ними мы можем умереть спокойно.
 Мы можем умереть спокойно.
 А процедура так проста,
 Как кошка балует кота.
 Носилки входят иль не входят,
 И губы с веками подводит
 Иль вовсе не подводит жена, сестра,
 Чтоб сесть на место штатное, пустое,
 Чтоб санитару улыбнуться вдвое
 И взять цветов, цветов прекрасных впрок
 Под челюсть возможному покойнику.
 И как-то роль сыграть. И голосить. <...>

* * *

И снова день восстал.
 Восстание его торжественно и чудно,
 Пускатели магнитные восстали ото сна.
 Станки запели.
 Птицы им вторя, заиграли в чудесном мире.
 Токари пошли в далекий и таинственный поход за планом.
 Да, токари, те вои дня, что стойко
 Превозмогают тяжесть мирозданья.
 По мановению жезла диспетчера,
 любовницы ночной вора иль инженера,
 тележки двинулись в круговорот вещей,
 ведомые круглоголовым грузчиком.
 Включается музыка ритмической гимнастики.
 <...>

[Середина 80-х гг. — Ю. Ш., А. А.]

Поэма «Лес»

Из вступления

<...>
 Утром спадает туманность прозрачная,
 капля откроет свой искренний всплеск,
 краски вернутся на место утраченных,
 дятел проснется, и мы пойдем в лес.
 <...>

Вот мы в лесу. Темно? Не бойся. Всю эту мелкую и легкую листву колеблет воздух. Лишь рано утром да изредка по вечерам земли коснется солнца луч — и ненадолго. Ведь нельзя чему-нибудь живому смотреть на солнце вечно. Поэтому во влажной полутьме свои подобию солнца создаются лесом. Так земляника млеет нежной плотью иль волчья ягода, та просит: «Проткни меня», там капли чистый свет покроется листвою и ярко оранжеет мухомор как света суррогат и правды, и заместитель солнца на земле.

* * *

Здесь все замешано. Напрасно
 ты ищешь акварельные тона.
 Все масло.
 Щедро палитра и жесток творец.
 Здесь все конечно, все мгновеньем дышит
 и вечность лишь в взаимопревращениях.
 <...>
 Сосна и солнце. Ярый стройный ствол,
 богата кроны, ветви толсты.
 Прекрасно! Нет — вокруг все голо.
 Все соки пьет она.
 Не так все просто.
 Другая — порослью младую окружена.
 Но знай —
 под кроною одною не уживутся двое.
 Подлесок молодой, зеленый, видишь?
 Приди сюда через десяток лет
 на вырубке. Лишь несколькими
 дано взглянуть на свет.
 Взглянуть, испить губами игл,
 зайтись в предутреннем тумане.
 Рассеять вожденный дым,
 ступая пьяными, неверными шагами.
 И отойти вослед другим
 как отлетевшее дыханье.
 Дыханье поглотит трава
 как поглощает все на этом свете.
 Над лесом рыщет темный ветер.
 Мягутся в вихре семена.

Из главы 1

<...>
 Тогда царил самум,
 ветров всех злей,
 мужчин ломавший,
 женщин гнувший
 и семена свои взметнувший
 в высокий вакуум идей.
 Толчки упругой ярости врывали
 их в лоно ждущее земли,
 мешаются концы, начала
 в узле беспомощном.
 Но час,
 лучами теплоты сочась,
 и стебля струнка восстемилась к свету.
 И я, не ведая законов и причин,
 пророс, слепая прихоть
 жестокого и сильного самума.
 То, верно, революция была.
 Огромные леса с корней срывались,
 налитые дыханием идей,
 так новые роды обосновались
 в сплетеньях неожиданных людей,

ростках, плодах зелено-алых.
И не хватало так ветвей
традиций, быта и любви им,
чтобы укрыть своих детей
от духа жаждущей стихии.
<...>

Глава 2 («Мой Питер»)

Когда сиреневым восходом
очнулся день,
и ночи сумрачная тень
неслышно спала с небосвода,
когда бледнеющий туман
Неву покинуть торопился,
прямоугольный ясный план
мой город обнажил, и вскрылся
мерцанием огней и тусклостью окон,
когда трепещет лист и птица,
в свои владенья вышел он.
Здесь мой дом — этой набережной растоптанность,
из расколов бетона текут пышной вонью помоев источники,
мой песок, пятна нефти и камни, живущие зеленью,
голубыми засиженный сизый собор,
рыбаков колдовство,
лиц прокисших старение,
чаек жадных крикливость,
кошачий любовный стон
и безумный покой громоздящихся труб, шпал, столбов.
Сигарета. Улыбка устало метущей пыль дворничихи,
закусившей остатками снов.
О, была бесконечная ночь
в черном мире раба усталого,
лживых звезд черный замшевый пот
и душа в баррикадах сала.
Этот дымный восход боя дня,
жизнь воды — розоватые жидкие лица.
Этой ночью покинул меня
сентиментальный хирург-убийца.
Он ушел — я поставил сирень на стол,
мне досталось утро Невы и мостов.
Вот оно, это утро, забуду его.
Все отхлынет, отвянет, оттает.
Ничего,
никогда.
Никого.
Только утро любви расцветает.

* * *

Идущий в город, не забудь
одежды скинуть у поста ГАИ,
сменить рубашку, натянуть удавку и пиджак,
побриться, пыль стряхнуть.
И ловким фертом отправляйся в путь.

Но если мысли свалишь у поста,
то не беда,
тогда на путь обратный
найдется что жевать.
Да не глазами по сторонам.
Архитектура — дура.
Она —
душа гнетущего сосуда,
куда нас проливают из объятья
отец и мать.
Так Карамазовых Иванов
и Мармеладовых кварталы
мой Питер — сад мой и тюрьма
воспроизводит из сырья румяного
как Репетиловых Москва.
Гляди на женщин,
к ним влеком.
Скрывают лица их желанья.
Но зверю юному знаком
Язык круглящихся под тканью
спины и бедер, плеч, грудей
и ног, качнувших меж камней
наполненный любви камланием
тяжелый и податливый сосуд.
Они —
хранительницы жизни и культуры,
спасают от истерик и безумья
мужчин.
Их, очнувшись ото сна,
зовут младенцы и мужья —
и ты и я.
За несколько часов любви
весь город отдадут на потребление
Вот ключ к нему.
— А я пошел.
Ты будешь господин.
Я раб его камней, подъездов, разворотов,
и вновь бреду по улицам один
и в окнах видится мне чья-то тень и шепот:
— Милый, слушай,
ты на кухне что-то сжег?
— Только душу.
— Нет, серьезно, погляди.
— Да чадит она, чадит.
— Ты смеешься, вот кастрюлю будешь мыть.
— Ветер воет, буду выть.
— А потом пойдём в кино.
— Все равно.
Окно другое. Ты, мечтатель,
сидишь и празднуешь мечту.
С тобою давешний приятель
и первый враг — ты сам.
Ваш упоительный роман
лишает вас последней силы.
Диван, обломовский диван.

Ты засыпаешь, друг мой милый,
и тайной жизни обладатель.
— Ты понимаешь, мама, он не мужчина. Я так не могу.
— Послушай, Нина,
найди себе кого-нибудь
и ради сына сохрани
семью и мир.
— Я ж тайно не сумею,
он все узнает.
— Голубушка,
он это понимает.
А телефон звонит, звонит,
а он над схемою сидит
и заклинает сына:
Я кончен, Будь мужчиной.
Голодной тоскующей сукой
смотрит жена его мимо в пространство,
вынута жизнь из нее, и чужим отдана,
весело ржущему мужу, дочери тихой,
тайно мечтающей,
покойный отец офицер молча глядит
из окна фотоснимка, мать умерла,
допита жизнь их радостным мужем,
внучкою тихой, студенткой химфака.
Сжав кулачки, над стиральной машиной,
с собою она говорит.

Они не подозревают, что этот мир, руками человека сотворенный, скрывает за квадратиками материи бреды и хотения, воли и злобы, отчаянья, сны и любви, наконец, всех творцов и строителей, и вещи наши в жизни выдыхают все это, и в уже нематериальном сладостном и ядовитом тумане мы рождаемся и создаемся. Желтели квартиры, светлели дома. Умирили горячие пьяницы, изверги сильные. Оставались в них юные, слабые, тихие. И взрывоопасные семена.

Утрируя себя для сонных глаз,
дымящиеся сизью потроха
разверзло утро
и развернулось напоказ
в лист Мебиуса серо-утлый,
где можно быть одновременно внутри и вне.
И он, того не замечая,
коричневым являлся языком,
колеблемым без сна сдуревшим ветром.
Ему ж казалось, о своем
он брел, болтая.

Из главы 3

И в горечи и в горе не могу.
Нет горя, кроме горя жить,
работать, есть, прикидываться, быть,
нет способа избыть такое горе.
Я пьян слегка и вот слеза откуда,
потерян я немного, и печаль.
Бреду по дну, и пыльная дорога
уводит в даль, в слепую даль.
<...>

И вот, подобно Данту,
земную жизнь пройдя до половины,
я погрузился в сумрак леса,
все неустойчиво и зыбко
и Вам прощальная улыбка.
Взорвать, сломать, уехать, изменить,
купить машину или просто
у телефона номер изменить,
сменить работу, в ЖСК вступить
и снова жить. И снова жить?
Нырнуть в болезнь, уйти в простуду,
очнуться в палате дурдома
и тихо лежать, говорить,
видеть чужие участливые лица,
бить битым ночью такими же дураками, как ты,
бежать через забор ночью
в стылом поту, озираясь,
пока не настигнут
и не пережмут локтем горло.
<...>

Из главы 5

<...>

Слово — распятие текущей ныне жизни на вечном хаосе и смерти.

<...>

Примечание Ю. Щеголева

В поэме «Лес» шесть глав, вступление и короткое заключение. Писалась она с большими перерывами, начата в середине 60-х, окончена в середине 80-х гг.

Думаю, стихи для Сережи были борьбой со временем, которое поглощает своих детей, не оставляя «ничего, никогда, никого». Может быть, время поглотит и эти стихи, но в них Сергей Розет оставил нам свой неповторимый взгляд на Питер, на своего типичного современника, на слово, на человеческую жизнь и смерть, и даже на страшный суд:

«... он милосерден будет как свирель
о городе потерянном и сонном
среди полей.

И нам простят весь грех тяжелой жизни
среди камней, в объятьях зла» («Лес»).

Стихи Сережи для того, кто захочет с ними познакомиться, могут стать и открытием, и побуждением к мысли, и поддерживающей.

Ю. Ш., февраль 1999 — ноябрь 2000

П. 1-6.2.4. Анкета для читателей (слушателей)

[Сергей Розет мало кому показывал свои стихи. Я был среди этих избранных, но, увы, в свое время их не «услышал». Иначе — Юрий Щеголев.

Тот взялся быть своего рода импрессарио (теперь бы сказали: «продюсер») нашего друга. Причем приступил к делу... как социолог.

Ниже — анкета, составленная Ю. Ш. в 1989 г. и распространенная в кругу знакомых, которым он показывал, в частности, главу 2 поэмы «Лес» (см. выше). — А. А.]

О «Моем Питере» (анкета)

1. Хотелось бы Вам послушать (прочитать) этот текст еще раз?
 да 1
 нет 2
 трудно сказать 3
2. Что Вы испытывали, слушая (читая) этот текст (можно отметить два пункта)
 пожалуй, ничего 1
 что-то неопределенное 2
 небольшое мучение 3
 желание понять 4
 что-то напоминающее просветление 5
 другое (что именно) 6
3. О чем Вам думалось, когда Вы слушали (читали) этот текст (можно отметить два пункта)?
 пожалуй, ни о чем 1
 о том, что трудно назвать 2
 о том, что слушал 3
 об авторе 4
 о чем-то своем 5
 о другом (о чем именно) 6
4. Пригласили бы Вы кого-нибудь из знакомых послушать этот текст?
 да 1
 нет 2
 трудно сказать 3
5. Предложили бы Вы размножить этот текст?
 да 1
 нет 2
 трудно сказать 3
- Если да, то в каком количестве экземпляров?
 до 10 1
 от 10 до 100 2
 от 100 до 1000 3
 от 1000 до 10000 4
 более 10000 5

[Результаты опроса не сохранились, но в целом они были весьма благоприятными для автора поэмы.]

Тогда Юрий Щеголев счел себя «вправе» (впрочем, заручившись согласием автора) отправить этот поэтический отрывок в таллинский журнал «Радуга» (его редактором был тогда писатель Михаил Веллер). Ответа не последовало. Короче, при жизни Сергея ни одна его стихотворная строчка напечатана не была.

Настоящей публикацией мы с Ю. Щеголевым надеемся вызвать интерес к самобытному поэтическому творчеству Сергея Розета. В частности, поэма «Лес», как мы считаем, заслуживает публикации и не только в отрывках.

Что касается самой анкеты Ю. Ш., то она применима, наверное, к любому поэтическому произведению. — А. А.]

* * *

Вместо заключения (памяти Друга)

Светлую память о **Сергее Михайловиче Розете** бережно хранят его друзья и коллеги. 12 июня 2000 г. ему исполнилось бы 60 лет.

Ю. Щеголев, А. Алексеев, ноябрь-декабрь 2000

П. 1-6.3. Составляющие жизни

Несколько вступительных слов

С Юрием Анатольевичем Щеголевым мы впервые встретились на научной конференции в Новосибирске в 1970 г., а с 1973 г. началась наша дружба, подкрепляемая тесным сотрудничеством в межведомственной лаборатории Ленинградского финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского и Института социологии АН СССР.

Из этой лаборатории, возглавлявшейся докт. ист. наук Овсеем Ирмовичем Шкартаном, «вышли» (иногда работая там, иногда состоя с нею в творческом содружестве) многие известные социологи. Здесь назову только тех, кого уже нет в живых: Валерий Аркадьевич Петров, Сергей Михайлович Розет, Галина Васильевна Старовойтова.

Как и Сергей Розет, Юрий Щеголев в 60-х гг. закончил физический факультет Ленинградского университета, потом работал физиком-исследователем в ЦАГИ (под Москвой), а затем занялся социологией (аспирант Ядова). Его работы 70-х гг. и, особенно, доклады на научных семинарах того времени памятны социологам моего поколения теоретико-методологической глубиной и филигранностью социологической методики и техники.

В 1978 г. Юрий Щеголев, первым из нашего круга, добровольно сменил работу в «штатной» социологии на рабочее место формовщика на заводе железобетонных изделий, потом оператора котельной. (За ним — «из социологов в рабочие» — последовали: Сергей Розет, затем я, затем Анри Кетегат; все названные являются «действующими лицами» и по существу соавторами этой книги.)

Судьба каждого из социологов-рабочих после сложилась по-разному. У всех были и еще жизненные перемены. И только Юрий Щеголев так и не захотел — ни «возвращаться» в институциональную социологию (хоть и приглашали), ни «пробовать себя» в какой-либо иной профессиональной сфере, в изменившихся общественных условиях.

...Вчера мы встретились с Ю. Ш. у него на работе, в котельной, в подвале дома 8 на ул. Рубинштейна, где обсуждали дальнейшие перспективы нашего со-трудничества.

А сейчас, когда пишу эти строки, я жду Юру у себя дома: ему предстоит вычитать в компьютере отобранный нами вместе, для публикации в этой книге, его рассказ-эссе (философская притча? стихотворение в прозе?), который им самим был назван «Труба (зарисовки внутренних противоречий)», а я было собрался «переименовать» в: «Жизнь — труба», — выделив лишь один из всего богатства смысловых оттенков этого русского слова. Но, может, и не стоит переименовывать?

...Вот звонят в дверь. Это, наверное, Юра. (8.12.99. 19 час.).

II. 1-6.3.1. Труба (зарисовки внутренних противоречий)

Эти зарисовки сделаны в 1993 году, по впечатлениям от 2-месячной совместной работы в подвальной газовой котельной с молодой женщиной-оператором. В то время в ее жизни были представлены, кажется, все возможные проблемы: муж потерял работу; двухлетний сын часто болел; в вузе, где она училась заочно, у нее была задолженность по контрольным заданиям; а в котельной опыта в работе по профессии оператора еще не было.

В 1999 г. в текст 1993 года были внесены небольшие изменения и написано настоящее пояснение к нему.

Ю. Ш., декабрь 1999

[Как мне рассказывал Ю. Ш., обычно в котельной работают поодиночке. Но в то время начальство «придумало» работу по двое, отчасти, вероятно, для того, чтобы увеличить, по своим соображениям, штатное расписание. Сейчас вернулись к работе по одному. — А. А.]

1. Труба зовет. Печаль

Котельная. Утро, последние часы ночной смены. Операторов двое: он наблюдает за работой оборудования, она пока отдыхает...

Но труба зовет, впереди сдача смены и дневные заботы. Она встает, части ее души еще разъединены и не согласны друг с другом. Она надевает не по размеру длинные и широкие ботинки. Она идет, она идет не от котла 5 к котлу 7, она бредет по жизни. Цели колеблются, желания изменяют, она поднимает изможденное лицо. Она смотрит: ближние больны, дальние — больны, распоряжения нелепы, усилия — бессмысленны. Она вздыхает, разъединенные части души объединяются печалью. Наступает согласие.

2. Радость

Котельная. Утро, первые минуты дневной смены. Он делает запись в сменном журнале, ее еще нет.

...Она влетает в котельную. Она хороша желанием жить, желанием нравиться. Она в согласии с собой, ее взгляд проверяет, нравятся ли она, ей трудно переносить его хмурое лицо за столом.

Ей хочется говорить, она рассказывает о преподавателе философии, который называет ее любимой ученицей, об аудитории, о сверстниках, о предстоящей экскурсии. Легкий воздух касается слушателя и исчезает.

В 12 часов она выходит из котельной по заявлению об отгуле. В течение трех часов она свободна, она может делать, что хочет: поехать куда угодно, увидеть, что угодно, встретиться, с кем угодно. Радость свободы ожидает ее...

В 15 часов она возвращается в котельную другой. Легкости нет, она обеспокоена, она хочет укрыться в маленьком, закрытом помещении, она думает о неприятном: «Он мне сказал, чтобы... Ах, как это противно».

Кажется, радости и согласия с собой у нее более не будет, тревога не кончится, но происходит авария...

3. Трубу прорвало. Благодарность жизни

Только выхожу во двор, чтобы пойти проверить резервную котельную, что через дом от нас, как слышу шаги и голос коллеги:

«Ю. А., постойте, трубу разорвало». Возвращаюсь и вижу: на полу, около котла 6, много воды, песка и грязи. Вода течет по стене от места входа сливной (фановой) трубы, идущей с верхних этажей дома через котельную к люку во дворе. Думаю, трубу не разорвало, она только засорилась и теперь то, что должно течь в люк, устремилось в котельную через стык в звеньях трубы.

Смотрю на коллегу: длительной внутренней тревоги будто и не было, в ее глазах интерес и вопрос: «Что же произошло и что тут надо делать?». Объясняю, что трубу не разорвало, что ее надо почистить длинным тросом из помещения над нами, которое закрыто. Сегодня уже никому не достать ни нужного троса, ни требуемого ключа, пока же прекратить протечку можно только попросив жильцов не сливать воду в засорившуюся трубу. Решаем: я иду к жильцам, а коллега остается в котельной наблюдать за работой оборудования.

Договорившись с жильцами о прекращении слива, возвращаюсь в котельную и вижу: протечка закончилась, коллега убирает грязь, а ее лицо стало замечательно разностью выражения глаз и губ. В ее глазах и около них видится удивление и даже восхищение случившимся: как много и как сразу, хоть и грязи. Так ребенок радостно останавливается перед неожиданным потоком воды. В ее же губах и около них видится другое — желание и готовность делать, убирать грязь.

...И вот грязь убрана, котельная вымыта, смена заканчивается, впереди — ребенок и муж. Порядок и смысл оттесняют тревогу. Она чувствует себя свободной, согласной с собой и, уходя, говорит:

«Спасибо». И это спасибо слышится, как «спасибо жизни».

4. Благодарность жизни и нелюбовь к ней. Отсутствие покоя. Грязь и тревога

Ее спасибо жизни мысленно продолжается и как спасибо работе и как спасибо грязи.

А совсем недавно она легко, сразу, не задумываясь, несколько протяженно, как то, что решено и что нельзя изменить, сказала противоположное: «А я не люблю ни грязи, ни работы, ни жизни».

Обе противоположные установки на жизнь существуют в ее душе в отношениях подавления и бунта друг с другом. Ее ум, подчиненный одной из этих установок, не может уменьшить их противоречие и тем более выйти за их пределы и увидеть другие установки на жизнь.

Ее внутреннее состояние не бывает устойчивым, она не знает, что такое покой. Ее лицо никогда не улыбается полностью: если улыбаются ее глаза, то губы сжаты; если улыбаются губы, то ее глаза напряжены и готовы к удару.

Переход от неустойчивого состояния скрытых противоречий к явной нелюбви к жизни происходит неожиданно, его энергия разрушительна, его могут вызвать самые малые силы. Переход от неустойчивого состояния к явной привлекательности жизни происходит еще более неожиданно, его энергия благотворна.

Около нее падает капля размешиваемой мною в баке глины. Она стремительно отстраняется и с трудом сдерживает гнев.

Около нее выливается много воды и грязи из стыков фановой трубы. Она проявляет любознательность, восхищение и убирает грязь.

Малое количество грязи усиливает внутреннюю тревогу, большое количество грязи освобождает от нее. Малое количество грязи вызывает испуг и гнев, большое количество грязи вызывает восхищение и желание работать.

5. Главное слово. Три составляющих жизни

Ее главное по частоте и значимости слово: «Дурдом». С его помощью она выражает отношение, делает заключение, производит обобщение, прерывает, а может и начать разговор. Иногда, обобщая, она говорит: «Вся наша жизнь — дурдом». Вряд ли можно выразить всю нашу жизнь через одну из ее составляющих. Наверное, более правильно сказать так: **«Жизнь — это и лес, и сумасшедший дом, и парк».**

Лес — это все силы, завещанные нам нашим родом, которые нам неизвестны и о существовании, значении и направленности которых нам нужно догадаться. Сумасшедший дом — это страдания и смерть, перед которыми молчит разум и бессильно сердце. Парк — это согласие леса, ума, сердца, перед которым умолкает страдание и отступает страх смерти.

Она никогда не говорит: «Жизнь — это лес», но часто рассказывает о сыне и о своих снах.

6. Разногласия

Сын

Еще совсем недавно он подходил к ней, тыкался в нее носом, говорил: «Мамулька!..», и она знала, что любит его. А теперь он спал, она сидела около него и думала только об одном: как уйти из дома.

Еще совсем недавно она находила себя самой привлекательной, а теперь вдруг чувствовала себя ни на что не способной и никому не нужной. Теперь она искала любое маленькое помещение, чтобы укрыться в нем и

никого не видеть. Она не знала, что это маленькое помещение было для нее подобием дома внутри мамы и что таким образом она хотела вернуться в состояние **до жизни**.

Сны

Ей часто снилось, что ее преследуют, догоняют, должны схватить, но ей как-то удается ускользнуть от гибели. В этих снах жизнь была всегда слабее смерти и защищала себя бегством и обманом. Иногда ей снилось, что она в каком-то доме и что кругом идет война. В этих снах смерть и жизнь были равны: не только смерть убивала жизнь, но и жизнь убивала смерть.

Однажды ей приснился сын в крови и с ранами на его руках. Она несет его в больницу, находит там врача, еще какого-то мужчину и отдает им сына. Потом уже, не в больнице, две женщины возвращают ей сына здоровым, с едва заметными следами от ран. Сон рассказывал ей об ее страхе перед болезнью и смертью сына, о ее просьбе о помощи, а может быть, и о скрытом желании надолго отдать сына в более надежные, чем ее, руки.

У счетчика

Было 4 часа ночи. Она была одна в котельной. Она сидела у газового счетчика и, уже ничего не понимая, смотрела, как нарастают цифры на его циферблате. Она уже выключала и снова включала котел, она уже убавляла давление газа на горелках, а расход все шел и шел, и его нельзя было уменьшить. Помощь была желанна, помощь была ненавидима.

7. Труба

Труба — это то, что дает толчки к обретению строя в напряженной разноголосице души. Труба — это призыв к испытаниям.

Труба — это то, что все развеивает в пустоту: и то, что желанно, и то, что ненавидимо. Труба — это конец, труба — это начало.

Труба зовет — это то, что есть сегодня. Доброе утро — это то, чего сегодня нет.

Ю. Щеголев (1993–1999)

П. 1-6.3.2. О празднике 9 Мая

[Это обращение было отправлено Юрой двум своим родным сестрам, ныне живущим и работающим в Польше, в мае 1999 г. Ни копии, ни черновика — не сохранилось. По моей просьбе, Ю. Щ. восстановил текст. — А. А.]

Милые сестры, предлагаю заменить празднование дня Победы в нашей семье на один из следующих вариантов:

(1) В связи с тем, что вторая мировая война началась из-за Польши, а «помощь» с Востока с 17 сентября 1939 г. принесла Польше гибель многих и гибель лучших поляков, подчинение чужой воле и отделение от Ев-

ропы, а вы, милые сестры, несете польским детям свое знание музыки, предлагаю праздновать 9 Мая в нашей семье, как день российского вклада в будущее польской культуры.

(2) Или: так как вклад России в начало войны и победы Гитлера над Польшей, над Францией и над самой Россией прискорбно велик, предлагаю рассматривать день 9 мая как день покаяния россиян перед **всеми** погибшими, независимо от их национальности, а день победы над «наци» и окончания войны праздновать, **как и во всем мире**, — 8 мая.⁶

(3) Или: так как «дни наши сочтены не нами», особенно во время мирового военного потрясения, предлагаю праздновать день 9 Мая, как день благоволения Господа к нашему отцу, который за годы войны прошел от Полтавы до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина.

Жду вашего отклика. Юра-брат. (Апрель-декабрь 1999)

Р. С. Война — это снятие запрета на убийство. По-видимому, в душе каждого человека записана возможность восторга перед убийством, сражением, пожаром. Война — это соединение души с насилием. Если насилие получает теоретическое обоснование и общественное признание, то насилие и душа соединяются с духом. Бедственные последствия такого соединения (действия такой триады) неисчислимы.

Победа страшна тем, что закрепляет насилие как способ решения проблем и даже как способ и образ жизни. Победа расширяет пределы и возможности насилия. Сила вызывает восторг, она опьяняет. Для силы невозможное кажется возможным, она ослепляет. Неограниченное применение силы приводит к последствиям наиболее неблагоприятным (вредным) для нее самой, сила оглушает.

Если общество приглашает победителя к власти, оно движется к потрясениям. Общество устойчиво, если оно может не допустить победителя к власти или, если он уже находится у власти, отстранить его от нее.

Ю. Щ., 12.12.99

Ремарка: от прадеда — к правнуку.

Сестры Юрия Щеголева брата не поддержали. А еще некоторыми, кому довелось ознакомиться с этим текстом, было усмотрено в нем даже — «кошунство»...

Мы с Юрой так не считаем. Может быть, потому, что у нас с ним, пусть и разные линии и стратегии жизни, но зато... очень близки жизненные позиции!

...А вот запись из дневника прапрадеда Ю. Щеголева и его сестер — тайного советника, генерала в отставке Михаила Карловича Линденбаума (19.04.1877):

«...12-го числа войска наши уже вступили в Румынию... Война! (русско-турецкая война 1878-1879 гг. — А. А.). История приучила нас считать войну чем-то неизбежным. И странно, что какая-нибудь холера или другое бедствие,

⁶ Подписание акта капитуляции Германии состоялось 8 мая 1945 г., а День Победы над Германией был «отсрочен» Сталиным, по-видимому, чтобы успеть совершить за эти сутки марш-бросок советских танков к Праге.

не зависящее от самих людей, смущает их гораздо более войны, избежать которой люди очень могли бы дружными усилиями и навсегда согласившись не допускать этого зла... Но все это старая песня...». (Цит. по: Л. Подобед. Усадьбная жизнь тайного советника Михаила Линденбаума // Красная искра (г. Боровичи), 1998, № 21).

Пожалуй, автор этой записи своего праправнука понял бы! (Декабрь 1999).

П. 1-6.3.3. Мольба

...Из каких противоречий мы созданы? Как можно ответить на вызовы, о которых не догадываешься?

Но, что бы ни было вокруг нас и что бы ни ждало впереди: страшный ли суд Творца или Пустота, — и в пустоту, наполняя ее, можно направить мольбу:

«Господи, дай нам силы: ненавидящих и обидящих нас простить, благотворящим благосотворить, в немощех сущия посетить и исцеление их приблизить».

Ю. Щ., 7.12.99

Ремарка: экзистенции Щеголева.

Текст «Мольбы» имеет форму стилизации под старославянский язык. Полагая, что читатель может споткнуться (как и я вначале), переведу на современный русский:

«Господи, дай нам силы: ненавидящих и обидевших нас простить, творящим добро — содействовать в этом, а тех, кто пребывает в болезни, — посетить и приблизить их исцеление».

...Как определить жанр этих текстов Юрия Щеголева, вовсе не предназначавшихся для печати и отобранных мною, с его согласия, для данной публикации?

Назову их — экзистенции. (Декабрь 1999 — ноябрь 2000).

П. 1-6.3.4. Противоречие между порядком и стихией

[После «зарисовок противоречий» в личности и ее близком окружении, в жанре «экзистенций», думаю, уместно привести текст о противоречиях общественных, и совсем в другом жанре.

Ниже — фрагмент экспертного листа № 15 («Ландыш») из материалов андерграундного опроса рубежа 70–80-х гг. (Помню, Ю. Щ. тогда думал вслух, а я записывал живую речь.)

Полный же текст экспертного листа Ю. Щеголева публиковался, анонимно, в сборнике: «Ожидали ли перемены? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70–80-х годов). М.: Институт социологии АН СССР, 1991, с. 68–85). — А. А.]

<...> Это общество было существенно отсталым. Это связано с тем, что население России было преимущественно крестьянским, малая доля населения была сосредоточена в городах, хотя Россия и бурно развивалась.

Внешне выступавшее как **отсталость**, это противоречие в сущности было противоречием **между городом и деревней**. На протяжении 50 лет это противоречие так или иначе разрешалось. В результате Россия стала в основном городской.

Этот процесс затронул все слои населения — процесс превращения России деревенской в Россию городскую. В этом смысле данное противоречие было разрешено.

При этом возникла целая связанность других противоречий, которые в настоящее время выступают как не менее острые: например такие, как 1) жилищная проблема, 2) проблема обслуживания, 3) проблема питания в городах. Эти проблемы также настойчиво разрешаются. Например, жилищная проблема. Объем жилищного строительства действительно необычайно.

Так одно основное противоречие было разрешено и это, вместе с тем, породило целый ряд новых проблем.

Далее. Россия и общество, о котором идет речь, вступили в иную цивилизацию — цивилизацию принципиально неравновесную, которая может рассматриваться как **квазиравновесная**.

Крестьянская цивилизация основана на некоторых циклах воспроизводства, где все продукты человеческой деятельности стихийными силами природы вновь превращаются в ресурсы для новых циклов этой цивилизации. **Новая** цивилизация — таких циклов в ней пока не установилось. Процесс принципиально идет с коэффициентом не равным 1 (громкие отходы, невозобновление ресурсов, их растрачивание). Именно поэтому — принципиально неравновесной является характеристика современной цивилизации, в частности, европейской.

Отказавшись от исторического взгляда, отметим противоречие между государственным порядком, распространяемым на все сферы жизнедеятельности, и стихийной жизнью, осуществляемой в этих сферах.

Пример. Государственное планирование экономики и реальная экономическая жизнь общества, в котором присутствует экономическая стихия (не производство нужных продуктов, производство не нужных; не выполняется планируемый рост производительности труда; тогда общество начинает «играть» в план...).

Это противоречие выражается в затоваривании складов, в наличии дефицита, аритмии производства, в низком качестве отечественной продукции (наша тяжелая промышленность, например, не сумела выйти на мировой рынок).

Это столкновение **государственного порядка и жизненной стихии** проявляется, далее, в национальных противоречиях, которые особенно ясно выразились в отношениях с другими государствами; в противоречии государственного «плана культурного развития» и реальной культурной жизни, которое, например, проявляется в постоянном «ожидании» высокохудожественных произведений культуры и искусства.

Наконец, появление отдельных личностей, олицетворяющих то столкновение (пример: Белинков, хотя и не самая яркая фигура; разгром Левады в «Коммунисте»).

Наконец, это итоговое противоречие выразилось в необходимости прямого вооруженного вторжения в иностранное государство (Чехословакия).

Противоречие между **цельм и его частями** (растет автономия и растет связанность) — диссонанс. Территориальная единица, ведомство, отдельная организация, отдельный человек, как «части». <...>

[Здесь опущены приводимые экспертом примеры. — А. А.]

Тенденцию, противоположную автономизации представляет государственный порядок. Поскольку связанность частей с нарастанием их автономии нарастает *[так! — А. А.]*, отсюда нарастает значение приоритета целого над частями, которое в этом обществе выражается в приоритете государственного порядка над порядком в организациях и, наконец, в **приоритете коллектива над личностью**.

Можно отметить время наибольшего обострения противоречия между тенденциями приоритета целого и тенденциями частей к стихийному развитию — время экономической реформы (с конца 50-х до конца 60-х гг.). Затем — переориентация партийной печати от экономической реформы, как основного рычага управления экономикой к социалистическому соревнованию и от критики культа личности (XX съезд) к «военной помощи» Чехословакии.

<...> Противоречие стихии и порядка в нашем обществе выражается в форме противоречия экономических регуляторов и директивного управления.

За требованием экономических регуляторов, очевидно, стоял слой управляющих, непосредственно чувствующих на себе воздействие экономической стихии, в том числе — сильных экономических диспропорций. А за требованием директивного управления стоял весь слой чиновников (особенно партийных).

Всю 60-летнюю историю можно представить как историю борьбы порядка со стихией. Самой большой стихией в России испокон веков было крестьянское хозяйство. Эта стихия была побеждена к началу Великой отечественной войны. Но ее требования вновь оказались такими, что управление вынуждено было с ними считаться к концу 50-х гг. И, наконец, вступив в мир принципиально неравновесной цивилизации, мы, может быть, встретились с такими стихийными силами, перед которыми сам государственный порядок окажется бессилён.

<...> И, наверное, наступает время, когда победа порядка будет самим своим осуществлением готовить для себя «месть» со стороны стихии (копать себе яму).

<...> Для полного распространения государственного порядка нужно поддержание «порядка» и в головах людей, соответствующее регулирование. И вот возникает противоречие между государственно распространяемыми представлениями о вещах, процессах, событиях и эмоциональными

ми впечатлениями людей о них. Следствием этого противоречия является принципиальная раздвоенность сознания («сознание на собраниях» и «сознание в кулуарах»; «сознание с собой» и «сознание с другими»).

Итог: противоречие между стихией и порядком в социалистическом урбанизированном обществе может оказаться сильнее, чем противоречие между стихией и порядком в послереволюционном крестьянском обществе. <...>

Ландыш [Ю. А. Щеголев. — А. А.], апрель-май 1979

П. 1-6.4. Ящик для грядущей Пандоры

[Ниже — еще один из экспертных листов опроса «Ожидаете ли Вы перемен?».

Этот текст, от апреля 1981 г., принадлежит моему другу и коллеге — социологу Анри Абрамовичу Кетегату (г. Вильнюс).

Идентифицировать автора помог случай: Анри «узнал» себя в этом тексте, когда он впервые был опубликован, анонимно, в сборнике: Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70–80-х годов). М.: Институт социологии АН СССР, 1991.⁷ — А. А.]

Экспертный лист № 45

I-II

1. Усугубление и накопление [проблем. — А. А.]

2. Воздержусь. Во-первых, изложение наблюдений оказалось бы более объемным и менее упорядоченным, чем я могу себе позволить. Во-вторых, в немалой (может быть, даже достаточной) степени соответствующий материал приведен в ответах на др. вопросы.

«Накопление» кажется здесь словом, обозначающим не только объективную тенденцию, но и установку (вряд ли сознаваемую) нынешнего населения Олимпа, его политический быт. В интересующий интервьюера период интенсивность попыток — пусть неэффективных и даже просто бестолковых — решить насущные общественные проблемы заметно шла на убыль. Курс государственного корабля стабилизировался за счет того, что на капитанском мостике почти уже и не гадают, где рифы (при прежнем капитане хоть гадали). Пожалуй, это недалеко до «после нас хоть потоп». Тем более, что «нам» до «после» каких-то «четыре шага».

«Врожденные», изначально обреченные на усугубление, противоречия общества, о котором идет речь, помноженные на «приобретенную» инертность руководства по отношению к проблемам, рождаемым этими противоречиями (едва ли не единственное «научение», способное к которому обнаружило руководство обсуждаемого периода), формируют ящик для грядущей Пандоры.

3–4. Пожалуй, для всей предшествующей истории рассматриваемого общества действительна третья из предложенных позиций [см. вопросник,

⁷ О социологе-рабочем А. А. Кетегате см. подробнее в главе 5: раздел «Все мы, Серега, лошади. Стреноженные. Но ржем по-разному...».

выше. — А. А.]. Десятилетиями оно демонстрировало свою устойчивость вопреки усугубляющимся противоречиям. Были попытки решить **дочерние** проблемы, чередовались оттепели и заморозки, но принципиально климат не менялся. Исконные, фундаментальные противоречия не разрешались по той простой причине, что их действительное разрешение означало бы для данной социальной системы самоубийство.

Система адаптировалась к ситуации «на грани кризиса». Случалось, она переступала эту грань (например, на рубеже 20–30-х гг.), но кризисы не переходили в агонию, хотя язык не поворачивается назвать сменявшее их состояние выздоровлением.

Так было. Но будет ли?

Мне кажется, процесс усугубления противоречий приближается к точке, превосходящей адаптивные возможности рассматриваемого социального организма. Еще не вечер, но уже сумерки. Нынешняя устойчивость — устойчивость (сохранность) ледника, сползающего с горы.

5, 9, 10. **Экономический кризис.** Обнажение его глубинных причин на фоне вялых и бесплодных (не потому, что вялых) попыток создать эффективную систему регулирования и управления народным хозяйством. Появление даже в массовом сознании догадок о том, что суть дела не в недостаточной смелости этих попыток, а в принципиальной несостоятельности самой экономической структуры.

Я употребляю осторожную формулировку — «появление догадок», поскольку массовое сознание находится лишь в начале трудного пути к прозрению. Пока в нем господствует объяснение экономических трудностей с помощью пропагандистских клише («за мир надо платить») и бытовых наблюдений, отчасти также провоцируемых системой пропаганды (плохие исполнители гробят хорошие директивы, «не хотят работать», «воруют» и т. д.). Ближе к прозрению та — немалая! — часть массы, которая настроена критически по отношению к руководителям страны (персонально) и даже некоторым элементам социальной организации (к засилью партийной бюрократии, к существующей системе привилегий, к бутафорским выборам и проч.).

Окулистом, который снимет с глаз пелену, точнее — подготовит пациента к операции, будет прежде всего прилавок, главным образом продовольственных магазинов. (Впрочем, «час X» наступит до прозрения, просто в результате того, что упомянутая «немалая часть» по мере дальнейшего оголения прилавок станет значительным большинством.)

В прошлом бывали периоды, когда сельское хозяйство страны оказывалось в еще более плачевном состоянии. Но голод — функция не только предложения, но и спроса. В последние годы он обостряется как потому, что «хлеба» становится все меньше (в душевом ли исчислении или даже валовом — не знаю), так и потому, что нормализовался, в сравнении с прошлым, аппетит потребителя. Системе все труднее подсовывать массовому сознанию «уважительные причины» прогрессирующего оскудения рынка продовольственных товаров.

«Нормализация» аппетита — продукт: а) «нормальной» социальной ситуации (мир, а не война); б) просачивания сквозь прорехи, образовавшиеся в железном занавесе в последние два с половиной десятилетия, информации о том, как «люди живут»; в) воздействия установок самой официальной пропаганды («все во имя человека») — с тех пор, как система была вынуждена перейти от пропаганды идеалов жертвенности как платы за вход в грядущее тысячелетнее царство к более уважительному отношению к текущим бытовым потребностям людей. В последнем случае система сталкивается с бумеранговым эффектом собственных усилий. Переориентация пропаганды была вынужденной реакцией компенсаторного свойства на идейное ослабление режима. Но, стимулируя потребление пропагандистскими средствами и не будучи в состоянии обеспечить соответствие реального пропагандируемому, он [режим. — А. А.] еще более компрометирует себя.

Итак, с одной стороны — рост в массах потребительской ориентации, с другой — неспособность системы угнаться за этим процессом. Не нужно богатого воображения, чтобы признать за этими ножницами преимущественное право на комплимент: «Ты хорошо роешь, старый крот!».

Я отдаю экономике приоритет в ряду детерминант кризисной дестабилизации системы не потому, что она всегда — «базис». К этому побуждает состояние общественного сознания, которое ориентировано экономически и не столько на экономическую структуру общества (такая ориентация была бы уже идеологической), сколько на эффект структуры в сфере потребления.

Кризис (или канун его) национальных отношений: а) усиление, в том числе в доминирующем этносе, «тоски» по национально-культурной самобытности; б) рост сепаратистских настроений в коренных, но не доминирующих этносах; в) исход из семьи «народов-братьев» двух национальных меньшинств, для которых в последние годы приоткрыли двери. [Имеются в виду евреи и немцы. — А. А.]

Национальная проблема обострилась во многих странах. Но в той динамике, которую она претерпевает в обществе, являющемся предметом нашего обсуждения, проявляется не столько мировая тенденция, сколько специфичные для него распадные процессы.

Кризисные явления в идеологии (официальной) и морали (всякой). В идеологии это прежде всего:

а) Уже обеспеченная победа в массах потребительской ориентации над идеологической.

б) Прогрессирующая аморализация реальных мотивов вступления в партию — не по убеждению, а карьеры ради. Трудности, которые в связи с этим испытывает руководство в своем стремлении (скорее охранительном, чем догматическом) обеспечить партии преимущественно «пролетарский» состав: рабочие не идут в партию, поскольку не делают карьеру.

в) Ставшее приметой времени бегство недавних адептов официальной идеологии в частную жизнь (массово-культурный вариант), в движе-

ние протеста или, чаще, социально-культурную активность неофициального толка (элитарно-культурный). Я уж не говорю о бегстве за кордон.

В области «всякой» морали мне кажется важным выделить следующее:

а) Расцвет черного рынка. По своей роли в удовлетворении потребностей населения (не в продуктах питания) он успешно конкурирует с государственной торговлей. Тем более успешно, что именно государственная торговля является его основным поставщиком — как в легальной форме (закупка спекулянтами товаров **через** прилавок), так и в нелегальной (**из-под** прилавка). Существенно, что герои черного рынка — главным образом молодые люди, для которых он не только источник бытового благополучия, но и форма «красивой жизни», социального самоутверждения. б) Коррупция, разъедающая сферу торговли и бытового обслуживания, систему образования, карательную систему. в) Повсеместное распространение взаимного, встречного взяточничества («ты — мне, я — тебе»), ставшего заурядной формой экономического обмена, а подчас и условием выполнения служебных поручений. Человек, который брезгливо отводит руку, когда его пытаются «отблагодарить», скоро станет, если так пойдет дальше, нонсенсом (в среде работников торговли и бытового обслуживания, наверное, уже стал).

Я обрываю этот печальный перечень, не исчерпав его. Сказанного достаточно, чтобы показать крах, который система потерпела в том, что было главным и самым притягательным из начертанного на ее знамени: «каждому — по труду». Некогда этот принцип вошел в массовое сознание как гарантия главной для него ипостаси социальной справедливости — в сфере распределения. Широкое распространение названных форм аморального социального действия означает утрату им прежнего морального статуса. На освобождающееся место успешно претендует миф нового «частного предпринимательства». Этот вариант экономической активности мыслится его адептами как естественный («каждый думает о себе») и справедливый («каждому — по способностям»). Система виновна в этом и потому, что «честный труд» оказался плохим кормильцем, и потому, что в ее рамках «бесчестная» предприимчивость — единственно доступная форма инициативного поведения в хозяйственной жизни.

В целом рост аморализма — это, разумеется, не специфичная для данного общества тенденция и вызывается /она. — А. А./ не только специфичными для него (системными) причинами.

Не только, но и ими тоже. Укажу лишь на одну из таких причин, не самую, может быть, главную, но реже других отмечаемую, — деморализующий эффект узурпации режимом права выступать от имени морали (всякое инакомыслие аморально). Многие, теряя доверие к режиму, теряют и уважение к нравственным ценностям, зачисляя их по ведомству «пропаганды».

Два характерных эпизода. Молодой рабочий, настроенный критически и одновременно эгоистически-потребительски, после лекции с вызовом спрашивает лектора: «Так значит у нас все хорошо?» — «Почему?». — «А вот вы все говорили: мораль, мораль...». О «нас» речи в лекции не было. Сама

по себе апелляция к морали воспринята как форма апологетики. Другой молодой рабочий в частной беседе говорит, что «люди уже ни во что не верят» и что «патриотизма нет». Контекст беседы не оставляет сомнений: для него первое равнозначно второму, т. е. патриотизм — это верноподданничество.

Резюмируя, я, пожалуй, решусь сказать: наступает кризис общества в целом.

6. Думаю, можно *[ожидать перемен. — А. А.]* И именно коренных. Наступающий кризис вряд ли будет скоротечным, но в конце концов перейдет-таки в агонию. Все ресурсы системы — экономические, социально-политические, идейно-нравственные — близки к истощению. Она все более теряет способность к воспроизводству условий ее сохранения.

7. Это, пожалуй, самый трудный вопрос *[перемены — «к лучшему» или «к худшему»? — А. А.]*. Не столько в смысле трудности прогнозирования (хотя и в нем тоже), сколько в смысле ужасности прогноза, который кажется, как минимум, не менее вероятным, чем его благополучная альтернатива.

Да, темницы рухнут. Но что нас встретит у входа? Не погребут ли обломки и тюремщиков, и заключенных? Не попытаются ли тюремщики (тюремная система) спастись отчаянными шагами, которые приведут к мировой катастрофе?

Вся история этого общества — трагедия. Трагедия национальная и — в силу его до поры безуспешной идеологической и в еще большей степени политической экспансии — мировая. Мое нравственное сознание рождает надежду на то, что эта трагедия в конечном счете окажется все-таки оптимистической. Но надежда здесь не сестра веры. Она ее дочь.

Я повторю вслед за — не помню кем: моя вера оптимистична, мое знание пессимистично.⁸ К сожалению, до сих пор моей вере удавалось одерживать над моим знанием лишь временные победы.

А движение по дороге к неведомому исходу вряд ли будет однопавленным.

Мое понимание «лучшего» и «худшего»?

Лучшее — переход от идеократии и, соответственно, господства жреческой бюрократии к идеологическому и политическому плюрализму. Это, разумеется, предельный вариант (ликвидация самой системы), но любое принципиальное улучшение в этом обществе может быть только предельным.

Худшее. В пределе это уже упоминавшаяся мировая катастрофа (война сверхдержав). Если же говорить о не самом худшем, то — регресс к имевшей место в прошлом наиболее одиозной форме идеократии, расширение и активизация террористической охранительной политики, внутренняя бойня как последняя надежда режима.

Думаю, однако, что «не самое худшее» может быть лишь моментом движения, но не его итогом. Возобладать в конечном счете и просто на сколько-нибудь длительное время ему не суждено. Ибо, повторяю, ресурсы системы истощаются.

⁸ Это высказывание принадлежит А. Швейцеру.

8. *[Ожидая перемен... — А. А.]* резких, крутых. Общества такого типа не обладают эластичностью, необходимой для медленных, постепенных **существенных**, тем более — **коренных** перемен. «Полусущественные» перемены к лучшему, имевшие место в течение последней четверти века, оказались в значительной мере (к счастью, не вполне) обратимыми именно в силу своей постепенности (ограниченности).

Если говорить о крахе системы, то единственно возможная его форма — катаклизм. История, насколько я знаю, не нашла в прошлом иных путей разрушения обществ, обладающих существенным сходством с рассматриваемым, и вряд ли найдет в будущем.

К сожалению, гораздо меньше оснований для уверенного ответа на вопрос, чем будет этот катаклизм — концом света или, бог даст, лишь концом тьмы.

III

12–13. Бродил по Европе призрак⁹. И обрел призрак плоть. И ужаснулись люди виду его и отпрянули.

Не всяк отпрянул. Иной думает — недостроена еще плоть, иной — не так строили.

Но побрел по Европе кризис. Кризис того самого. Заметался призрак во плоти своей. А раненый зверь, он опаснее. Что-то будет?

Что-то будет.

Кризис бродит: а) в главной призрачной державе; б) в содружестве призрачных стран; в) в призрачном движении вообще, включая тот его поток, где призрак так и остался призраком и никаких шансов на материализацию не имеет.

Кто более матери-истории ценен? Что важнее?

Сию минуту — кризис (б), еще уже — события в соседней призрачной стране *[в Польше. — А. А.]*. В случае успеха в этом бараке поднимутся другие бараки-сателлиты, и — не станет лагеря. Дурной пример заразит население главного барака — оплота призрачной плоти, — и не станет плоти у призрака. Тут и сказке конец.

Станет ли сказка былью?

Трудно отбирать у себя надежду. Но еще труднее поверить в то, что лагерная администрация уже в ближайшие месяцы (а все решится именно в ближайшие месяцы) настолько ослабнет, что не поднимет кнут, которым до сих пор загоняла заблудших овец в стадо. Она еще поколеблется, еще потянет: опять скандал, да судя по всему — небывалый, не с укоризной только, а с попыткой схватить пастуха за руку... Она еще потянет, но у нее просто не будет иного выхода. А силы еще будут. И как бы тут не пришел конец не одной лишь сказке.

⁹ «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, как известно, начинался словами: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...».

Не только сию минуту, но вообще в обозримой перспективе из двух ипостасей кризиса, которые «внешние факторы», более существенное влияние на развитие рассматриваемого общества окажет первая. Потому что здесь призрак — во плоти. А это — случай, когда плоть сильнее духа. (Множественное число: дѹхи.)

В том же, что касается направления влияния, много проблематичного. Так, упомянутые события в одной из призрачных стран (Польше) — превосходный **стимул**, в высшей степени конструктивный, как прецедент — самый опасный для системы. Но ближайшей **реакцией** будет ужесточение лагерного режима в политической и идеологической областях. Правда, в хозяйственной жизни, по-видимому, вынужденно активизируется политика осторожных либеральных проб. Чтобы снять со своего горла костлявую руку народного голода, система, возможно, пойдет на некоторые отступления от своего священного писания, памятуя о спасительном эффекте отступления — «чтобы дальше прыгнуть» — 1921 г. (НЭП).

Среди рядовых обитателей «оплота» усилится политическое расслоение. С одной стороны, в массовом сознании этноса-гегемона громче заговорит имперская спесь, дворовая психология («наших бьют»), что на время вытеснит из многих голов претензии к домоуправлению по поводу внутренних дел. С другой стороны, получат новую и весьма калорийную пищу оппозиционные настроения среди «интеллектуалов», а в западных этносах, «воссоединенных» с гегемоном недавно и обладающих травматическим опытом взаимодействия с ним как в призрачные, так и в допризрачные времена, — и в массах.

Обострится и кризис (в). Произойдет дальнейшее — и резкое — падение престижа призрачного движения, усилится противодействие ему.

(Не лишне вспомнить, что в прошлом веке именно события в неспокойной сейчас стране, родственные нынешним, привели к организационному оформлению этого движения в международном масштабе. По словам весьма авторитетного лица, «у колыбели Интернационала стоял польский вопрос». «Пролетарии всех стран соединились», демонстрируя свою поддержку вспыхнувшему в этой колонии восстанию против метрополии.)

О сравнительной силе влияния кризиса (в) на эволюцию общества, о котором речь, я уже говорил. Внелагерный поток все более выходит из-под централизованного контроля, и здесь центр располагает куда меньшими страдательно-непущательными возможностями. Однако этот процесс и не столь болезнен для него, как еретическое движение в лагере. И все же центр вынужден оглядываться на недостижимых бунтарей, что несколько ограничивает свободу его действий «у себя дома».

И, наконец, еще об одном внешнем факторе, относящемся к числу первостепенных, — о Великом противостоянии. Миф врага — существеннейший элемент системы идеологического жизнеобеспечения обществ рассматриваемого типа. Манихейские страсти — цемент, употребляемый

при строительстве здания «морально-политического единства», и моральный источник санкций к еретикам, которые непременно — «рука дьявола».

Враг нужен, враг полезен. Если бы его не было, его надо было бы выдумать. Но он есть. И полезен лишь до тех пор, пока снисходителен и терпелив, пока на глупейшие песни про то, как «сурово брови мы нахмурим, если враг захочет нас сломать», отвечает здоровым смехом, пока ограничивается **осуждением** экспансионистских акций призрака во плоти.

В самое последнее время появились признаки того, что терпение врага лопнуло. Последствия этого могут быть самыми трагическими, если его контрагент не умерит пыл.

Умерит ли? В том, что касается сохранения империи, — нет. В том, что касается ее расширения, — да.

Трудно сказать, является ли новая ситуация еще одним катализатором внутреннего кризиса. Несомненно, она потребует еще большего напряжения от экономики страны, но и подольет масла в пропагандистский котел: легче будет сваливать на врага ответственность за «затягивание поясов». Таким образом, новый курс врага сработает в направлении экономического и внешнеполитического ослабления системы, но станет фактором ее временной идеологической и — если идеологический выигрыш перевесит экономический ущерб — внутривнутриполитической стабилизации.

14. Мне трудно отвлечься от системы координат, заданной национальному самосознанию экспериментом самодержца первой четверти XVIII века.

Думаю, будущее за западным влиянием. Распространение западного образа жизни в его существующих чертах (индустриализм, верховенство закона, либерализм, индивидуализм и проч.) — устоявшаяся мировая тенденция. Другое дело — как его встречает «местная почва», что из этого получается и насколько он хорош сам по себе.

Я не оспариваю исторически обусловленную «особенную статью» страны. Но даже автор крылатых слов о «стате» все-таки измерил ее, вопреки собственному предостережению, «общим» (западным) аршином:

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?

В рамках застольной оппозиции, да и в более серьезной среде, этот вопрос звучит немногим чаще, чем скептические ответы на него. Скепсис обычно связывается с «особенной статью».

Действительная оппозиция (впрочем, не всякая) самим своим действием показывает, что не считает ее неодолимой.

IV

15. В переменах «к лучшему» объективно заинтересованы все, кроме властвующей элиты. Но далеко не все из этих «всех» разделились с мнимым интересом, впрягающим их в одну упряжку с элитой.

В сохранении нынешнего состояния заинтересованы социальные импотенты, нуждающиеся в импотентной системе. Они обладают соответствующим их амбициям статусом или считают его достижимым в условиях «статус кво». Основной «ареал» этого настроения — партаппарат вместе с его идеологическими оруженосцами и тайной полицией.

Заинтересованные в переменах «к худшему» — тоже импотенты, но способные испытывать возбуждение от «сильной руки» харизматического лидера. Социальный ареал — тот же.

16, 17, 22. Подтолкнет [к переменам. — А. А.] — сама общественная ситуация, прежде всего голод в вышеуказанном смысле. Когда же «начнется» (более или менее стихийно), на авансцену выйдут нынешние идеологи и практики протеста, которые пока, как и их далекие предшественники, «страшно далеки от народа». В этом они неповинны, ибо лишены каких бы то ни было организационных и технических возможностей.

Час «Х» пробьет, когда поднимутся — в забастовочном варианте — промышленные и транспортные рабочие. Требования будут экономические, скорее всего прилабочные. Власти попытаются откупиться разовыми подачками. Но и на подачки у них уже будет кишка тонка, и рабочие созреют настолько, что на подачках не успокоятся. К рабочим примкнут другие непривилегированные слои.

«Протестанты» дадут движению лидеров и программу — не максималистскую, в пределах существующих (на бумаге) конституционных норм. Они попытаются удержать бунтарей в рамках законных, ненасильственных форм борьбы. Но последуют репрессии, и это самый темный пункт.

Карательные органы сами не справятся. Поскольку на этот раз место действия — метрополия, некому будет осуществить акт «интернациональной помощи». Значит, своя армия? Но речь о ситуации, когда массы созрели. Стрелять в рабочих должны будут рабочие же, сыновья рабочих, «кореша» рабочих, на каких-то два-три года оторванные от своей среды. Подсунуть им байку о «руке дьявола» вряд ли удастся... Они готовы петь «солдатушки — бравы ребятушки», но не гимн легионеров из романа братьев Стругацких «Обитаемый остров». (Железный наш кулак / сметает все преграды. / Довольны Неизвестные Отцы. / О как рыдает враг! / Но нет ему пощады. / Вперед, легионеры-молодцы!)

Смелое допущение. На кончике пера — «свежо предание...». И все же. Не думаю, чтобы Неизвестные Отцы решились на такие репрессии, которые потребовали бы использования армии. Рискованно. Скорее они прибегнут к обкатанному варианту «козла отпущения» — пожертвуют своим лидером, как уже не раз, с их ведома, делали их марионетки в той или иной беспокойной «братской» стране.

Состоится коронация рыцаря на красном (обязательно красном) коне. Но опять-таки речь о ситуации, когда массы созрели. Рыцарю со товарищи придется, чтобы наладить отношения с неверноподданными подданными, порозоветь, пойти на ограничение «элитодержавия». Это и будет той бре-

шью в идеократической системе, залатать которую уже не удастся. Все выше волна общественной самодеятельности. Процесс станет необратимым.

А может, у идеократов достанет осмотрительности и решимости упредить массовые выступления — выпустить на арену рыцаря перед последним звонком? А он окажется новым Дубчиком и, поскольку из метрополии, — счастливее своего колониального предшественника? Да, конечно, коридор анонимной власти пропускает лишь анонимов, лишь тех, кто шагает в ногу. Но в критической ситуации даже аноним (разумеется, если он не «безнадежный») может сбиться с ноги и обрести лицо. Предложенные сценарии тривиальны. Они списаны с прецедентов.

Быть может, у меня не хватает социологического воображения. [Похоже, что у Истории воображения тоже «не хватило!» — А. А.]. Или, наоборот, оно слишком взыграло?

...

«Касл вздохнул, поглядел на вечернее небо:

— Дела, дела, дела...

— Как?

— Так мы, боконисты, говорим, — сказал он, — когда чувствуем, что заваривается что-то таинственное» (Курт Воннегут. «Колыбель для кошки»).

...

Что касается типов людей (личностей), то с «подталкиванием» справятся те, кто обладает более или менее развитым, не серийным (в официальном плане) самосознанием, но не обязательно склонен и способен к социальному творчеству. То есть те, у кого от ежедневного излучения из ставки Неизвестных Отцов болит голова (см. роман Стругацких). Но когда процесс станет движением, обретет лидеров, решающую роль в осуществлении коренных перемен сыграют люди, обладающие помимо «головной боли» конструктивным мышлением и способностью к конструктивному действию.

Ожидаемое различие в типах личностей, которые на разных стадиях процесса будут рекрутироваться им на ведущие роли, связано, таким образом, с предположением, что он / процесс. — А. А. / начнется как выступление «против» и лишь позднее обретет качество «за».

Активное противодействие окажут не просто конформисты, но догматики, люди, мышление которых отмечено выраженной ригидностью установки, что помешает им сменить конформное отношение к существующему режиму на конформное отношение к набирающей силу оппозиции. Непременная черта их характера — авторитарность. Иначе говоря, это — «легионеры».

Разумеется, я говорю о полюсах тяготения. Реальная картина будет мозаичнее.

18. О многом я уже сказал в ответах на вопр. 5, 9, 10. Могу добавить следующее.

а) Зародышевые акты самодеятельного профсоюзного строительства. Легкость, с которой государство подавило первые попытки, не должна

приводить к их недооценке: тут мы имеем дело с лепкой новой (для данного общества) и наиболее конструктивной формы дестабилизирующего поведения масс, а не культурной элиты.

б) На второе место (по симпатичности и значимости) я бы поставил правозащитное движение.

в) Весьма показательна динамика, которую претерпевает недовольство творческой интеллигенции и рядовых потребителей культуры (главным образом молодежи) бюрократическим контролем за культурным производством и потреблением. Недовольство это элитарное, оно — ровесник системы (как, впрочем, и недовольство «слабостью» контроля, «либеральничаньем»). Но даже в период явного его проявления в конце 50-х — начале 60-х гг. дело не доходило до организованного неподцензурного творчества и потребления культуры. До самовольных публикаций за рубежом. До голосования деятелей культуры против режима «ногами» (как не в обычаях страны голосовать руками). То есть — до кристаллизации недовольства в практику непослушания.

г) Религиозный Ренессанс. Будучи явлением мировоззренческим, он вместе с тем и фактор политической дестабилизации, поскольку, сталкиваясь с государственными репрессиями, сливается с движением протеста в его правозащитном варианте.

19. На наибольшую роль претендуют два фактора:

а) пример, который сейчас подается пролетариям всех «братских стран» в одной из них [Польша. — А. А.];

б) протесты мировой общественности против инквизиторских методов борьбы с инакомыслием, перерастание во «вражеских» странах этого общественного движения в государственную политику, а кое-где и в политический курс призрачных партий.

(Абстрактно говоря, «пример» — важнее. Но реакция на него отечественных рабочих, «подхват почина», — дело будущего, в то время как некоторые плоды зарубежной солидарности с отечественным инакомыслием уже налицо.)

Стоит упомянуть также психологическую поддержку, которую еретические силы получают от культурного обмена, пусть контролируемого государством, а также в виде багажа впечатлений, привозимых участниками туристских поездок за рубеж.

20. То, что началось, — подготовка почвы. Сами же перемены начнутся где-то на исходе нынешнего десятилетия [80-е гг. — А. А.].

Не думаю, чтобы экономических ресурсов хватило на более длительный срок.

Некоторую роль, возможно, сыграет и тот факт, что у власти уже будет новое (персонально) руководство. В условиях вскрывшегося ящика Пандоры ему придется, хотя бы для самоутверждения, на что-то решаться. Это «что-то» — то ли своей «хорошестью», то ли своей «худшестью» — также может стать импульсом к переменам.

Если не случится самое худшее...

Без псевдонима [А. А. Кетегат. — А. А.], апрель 1981

Ремарка: историческое воображение друга.

Как уже говорилось, Анри Кетегат был четвертым (после Юрия Щеголева, Сергея Розета и меня) социологом-рабочим из нашего круга.

...Писано это уже в пору его работы слесарем-сборщиком на заводе — 1981 г.

Не знаю, сумел ли бы Анри написать — вот так — парой лет ранее. Я, во всяком случае, таким социологическим (историческим?) воображением, не говоря уж о раскрепощенности мысли и слова, в конце 70-х (когда сочинялась методика «Ожидаете ли Вы перемен?») и вынашивалась идея эксперимента социолога-рабочего) не обладал. (Июль 2000).

* * *

Есть две территории жизни: **история**, состоящая из **посторонних** имен, событий и безымянного месива масс, и **за-забором-истории** — это **свои**, вплотную — во весь рост — живые. Эти голоса, фигуры, глаза, жесты и события, не передаваемые никакими «публикациями» — только чуть помеченные этими текстами — опубликованы во мне, в нас, тиражом в оставшихся в живых (тираж иссякает); но пока остается хоть один из участников и у него не отшибло память — все авторы живехоньки.

*Сергей Рапопорт. Приглашение-1//
Альманах для своих. Вильнюс, 2001, с. III.*

Конец тома 1

Сокращенное оглавление тома 2

Глава без номера. Интермедии

Часть 2. Контрапункты

Глава 7. «Дело» социолога-рабочего (начало)

Приложения к главе 7

Глава 8. «Дело» социолога-рабочего (продолжение)

Приложение к главе 8

Глава 9. Год Оруэлла (1984)

Глава 10. Перемен не надо ждать. Их надо делать!

Приложения к части 2

Вместо заключения

Алексеев Андрей Николаевич
Драматическая социология
и социологическая ауторефлексия

Том 1

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Технический редактор — Н. М. Фофанова
Художник — Ю. Н. Куршева
Компьютерная верстка — Т. Е. Коськова
Корректор — Н. Н. Калинина

ЛР № 063113 от 15.12.98.
Сдано в набор 1.09. 2002 г. Подписано в печать
Формат 60×90/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Гарнитура Tense. Усл. п. л. 37. Тираж 400 экз. Заказ №

Издательство «Норма»
192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, 37
✉ 199406, Санкт-Петербург, а/я 182
E-mail: nor@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии газеты «На страже Родины»
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая пл., 10